

Скрипка Ротшильда и теорема Гёделя (Зачем нужна смерть)

И.В. Чусов

(Получена 7 июня 2006; опубликована 15 июля 2006)

*Памяти Гали Шинаковой, с
которой уже невозможно
обсудить написанное...*

Возможно, что читатель будет раздосадован, обескуражен, огорчён самой постановкой вопроса, но я постараюсь компенсировать ему психологическую травму, описывая приключения идей, ради которых — всё дальнейшее. Начнём с выбора точки зрения, или, согласно Кастанеде, "точки сборки". Если читатель — замшелый материалист, то у него список вариантов будет состоять из одного пункта. С точки зрения материалиста смерть это конец всему, а человек целиком и полностью превращается в распадающийся белок, от которого необходимо немедленно стандартными путями избавиться.

В 1911 году покончили жизнь самоубийством Поль и Лаура Лафарги — ученики и последователи Маркса. Поль Лафарг оставил после себя письмо, которое кончалось следующими словами: "Я умираю с радостной уверенностью, что дело, которому я посвятил вот уже 45 лет, восторжествует. Да здравствует коммунизм, да здравствует международный социализм". На похоронах от имени российских большевиков выступал Ленин.

Вы спросите, зачем они это сделали? Всё очень просто. Лафарги считали, что жить стоит только ради участия в борьбе за социализм. По представлениям Лафаргов силы для борьбы заканчиваются где-то в районе 70 лет. Лаура была помоложе, а Полю скоро предстоял тот самый юбилей, присутствовать на котором он не хотел. Можно отдавать дань их мужеству, но какая зашоренность взглядов! А внукам, например, кто будет сказки читать? Или в перипетиях "борьбы за рабочее дело" они внуками не успели обзавестись? Итак, жизнь это борьба. Не можешь бороться — уходи, не создавай (обществу, партии, семье и т.д.) проблем.

Отряд не заметил потери бойца
и "Яблочко-песню" допел до конца...

А через 6 лет после их смерти случилась долгожданная Октябрьская Революция. Могли бы и не торопиться на тот свет... Остаётся добавить, что Лаура Лафарг была дочерью Карла Маркса.

Из этой же материалистической концепции жизни вытекают и материалистические правила лечения. Болезни людей и поступки людей вообще не связаны. Если у кого-то когда-то что-то заболит, то надо доползти до больницы и перевалиться через порог. После этого болящего можно содержать даже в анабиозе — его личность для процесса лечения интереса не представляет. Капельницы, катетеры, клизмы, компьютеры, никаких сомнений-волнений!, а потом человек открывает глаза и... пора выписываться — он здоров. И снова — борьба. "Дерёт Фома, дерут Фому и нет пощады никому".

Какими жизненными правилами руководствоваться в материалистическом мире — неизвестно. Всё время за что-то бороться? Как-то не очень серьёзно. В чём состоит смысл жизни человека и человечества? Материализм не даёт ответа. И не может дать — теорема Гёделя запрещает. Для формулировки цели бытия надо выйти на другой уровень бытия. А откуда его взять при материализме? Он там единственный и неповторимый.

А вот другой подход, и он куда глубже и объёмнее. Был император, правивший Римом 19 лет, до самой своей смерти. Родился он в 121 году, умер в 180 году новой эры. Правил и воевал довольно успешно — конная статуя в городе Риме — и... писал. Звали императора Марк Аврелий. И что же он такое написал, интересно узнать? Небось о любимых лошадях и мальчиках? Как бы не так!

"Поступать во всём, говорить и думать, как человек, готовый уже уйти из жизни. Уйти от людей не страшно, если есть боги, потому что во зло они тебя не ввергнут. Если же их нет, или у них заботы нет о человеческих делах, то что мне и жить в мире, где нет божества, где промысла нет? Но они есть, они заботятся о человеческих делах и так положили, чтобы всецело зависело от человека, попадёт ли он в настоящую беду, а если есть и другие ещё беды, так они предусмотрели и то, чтобы в каждом случае была возможность не попадать в них."

Вы понимаете, читатель, в доме (ну, во дворце, какая разница!) нет даже керосиновой лампы, потому что керосин из нефти ещё гнать не научились, император пишет вечерами при свете факелов или лучине (?) гусиным пером (?): "Уйти от людей не страшно, если есть боги, потому что во зло они тебя не ввергнут." И прав покойный властитель, задавая сам себе вопрос: "...стоит ли жить в мире, где нет божества?" В самом деле, стоит ли жить в лафарговском мире всеобщей борьбы, где кирпичи с крыши падают на голову по собственному своему желанию?

* * *

Есть писатель А. П. Чехов, есть, поскольку он существует как писатель вне времени и пространства. Этому писателю принадлежит совсем не чеховский рассказ "Скрипка Ротшильда".

Есть Театр Юного Зрителя в Москве. В нём — режиссёр Кама Гинкас. Он поставил спектакль по рассказу Чехова "Скрипка Ротшильда".

В пространстве Чехова-Гинкаса есть Яков. Он старше Поля Лафарга. У Якова есть жена Марфа. Марфа, напротив, одного возраста с Полем Лафаргом. Яков делает гробы. В пространстве Гинкаса уездный город, в котором происходят события, выглядит как роща гробов, поставленных вертикально. В числе этих гробов и однокомнатная изба, в которой прожили полвека Яков и Марфа. В одной комнате они едят, спят и делают гробы. Марфа ведёт хозяйство, а Яков, по прозвищу Бронза, делает гробы и играет на скрипке в местном жидовском оркестре.

Мне не нравится прилагательное "жидовский", но его постоянно употреблял в этом рассказе Чехов. Чехова я глубоко уважаю. Видимо, это выражение соответствовало его художественному замыслу. И мне кажется, что я этот замысел понимаю.

Сначала скоропостижно умирает Марфа, а вслед за ней и Яков. Это не было самоубийством. Это был естественный конец совместного пути. Про знаменитого математика Леонарда Эйлера когда-то написали: "Он перестал вычислять и жить". Яков перестаёт делать гробы и отдаёт свою скрипку жиду Ротшильду из оркестра, которого он незадолго до смерти напугал и обидел. С тех пор Ротшильд перестаёт играть на флейте и переключается на скрипку, играет, подражая Якову, так жалобно, что купцы и чиновники

наперебой приглашают Ротшильда к себе и заставляют играть по десяти раз к ряду. Вот такой счастливый конец у рассказа Чехова.

* * *

Несколько лет тому назад я встал в огромную очередь на Арбате, начинавшуюся от магазина "Восточные сладости" и заканчивавшуюся у Вахтанговского театра. Это была очень молчаливая очередь. Вскоре за мной встали другие люди, они или молчали, или говорили, но очень тихо. Вдруг подскакивает петушком женщина лет пятидесяти и, обращаясь ко мне, взволнованно спрашивает: "За чем вы стоите?"

— Не за чем, а за кем, — отвечаю я.

— Не поняла. За чем вы стоите?

Кто-то сзади тяжело выдыхает: "Окуджава". Женщина ещё ничего не понимает. Она повторяет

— Так за чем же вы стоите?

Чего же она смотрит по телевизору, если не знает главного на этот день, а, может, и год события? Отвечаю подробно и монотонно.

— Умер поэт Булат Шалвович Окуджава. Мы прошли попрощаться с ним. Гроб стоит в Вахтанговском театре.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего и бочком, бочком — в сторону.

Ты течёшь как река — странное название —
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах Арбат, мой Арбат, ты моё призвание,
Ты и радость моя и моя беда!

Я не с Арбата, но рядом, со Смоленского бульвара, и когда мой сын был маленький, то я покупал закваску для кефира, которым мы его поили, именно в "Диетическом" на Арбате, рядом с которым теперь стоит бронзовый Окуджава. Господь Бог определил мне снашивать подмётки на бульжниках и асфальте нескольких эпох. И я школьником ходил по арбатским книжным магазинам, покупал сопротивления и конденсаторы в "Радиомагазине", которого уже давно нет — там теперь магазин "Часы", заходил а "Зоомагазин", который есть и сейчас, иногда садился в троллейбус номер 2, который тогда ходил по Арбату, хотя непонятно, где он там мог разместиться — но размещался же! Более того, скольких людей с Арбата посадили "органы" за подготовку покушений на "Великого Вождя всех времён и народов". Горе было тем, у кого окна выходили на Арбат, но плохо и тем, кто из окна видел арбатский двор — "органы" были изобретательны и как всегда не дремали...

Хочется цитировать и цитировать, чтобы пережить вместе с Вами, дорогой читатель, это удивительное чувство любви, которое принесли нашему и следующим поколениям стихи Окуджавы. Всё-таки ещё от одной цитаты отказаться не могу.

Настоящих людей так немного!
Всё вы врёте, что век их настал.
Посчитайте и честно и строго,
Сколько будет на каждый квартал.

Настоящих людей очень мало:
На планету — совсем ерунда,
На Россию — одна моя мама,
Только что она может одна?

Как же не пойти с ним попрощаться, если вся твоя взрослая жизнь сопровождалась его песнями? Как можно жить в этом городе и не пойти?

Погода, помнится, стояла в этот день переменчивая. Сильного дождя не было, сильный дождь был через день, во время похорон, а тогда, когда мы двигались рекой(?), нет — речушкой вдоль берегов Арбата к Вахтанговскому театру, изредка накрапывало, и тогда те, у кого случились в то время зонты, раскрывали их, и возникало арбатское братство.

Я никогда не поднимался на сцену какого-нибудь театра, тем более — Вахтанговского, теперь мне это предстояло сделать в первый и, несомненно, последний раз, хотя было время, когда мой дед был членом худсовета именно этого театра. Но было сие очень давно, ещё до моего рождения... Очередь продвигалась по каким-то лестницам, а потом, пройдя по кромке зрительного зала, оказывалась на сцене, где стоял роскошный гроб с откинутой дверцей, и в том гробу лежал старичок, очень похожий на поэта Булата Окуджаву. Не требуйте от меня вспоминать, как стоял гроб по отношению к сцене и очереди, были ли при гробе родственники или какие-то организаторы — я был занят не тем. У меня было то самое ощущение, которое было у Маргариты, когда она вышла из дома с букетом жёлтых цветов, уверенная, что что-то должно произойти, что-то должно непременно случиться. И оно случилось. Я услышал: "**РАЗРЕШАЮ объяснить всё**". И я, обходя гроб, начал мысленный разговор.

— Булат Шалвович! Вы меня слышите?

— Я Вас слышу, но не вижу. Я вообще никого и ничего не вижу. Что со мной происходит?

— Вы умерли, Булат Шалвович.

— Хм... А Вы, стало быть, ангел?

— Нет, я земной житель и Ваш почитатель. У меня к Вам поручение. От Него. Он хочет Вам помочь.

— Мне? За что?

— Не берусь судить.

— Я слушаю Вас.

— Булат Шалвович! Скоро Вы предстанете перед НИМ. Будет просмотр и обсуждение Вашей жизни. Все Ваши ошибки и грехи, которые Вы сумеете найти и осудить до этой встречи, грехами считаться не будут. Но всё то, что Вы не заметите... За это придётся ответить. Не теряйте времени. Надо ли мне говорить, что Вы должны быть беспощадны к себе?

— Всё понятно... Скажите, "почитатель", а что Вам из моих стихов нравится больше всего, два-три названия?

— Сейчас соображу: "Ель", "Тьмою здесь всё занавешено...", ну и это: "Пока Земля ещё вертится, пока ещё ярок свет, Господи, дай же ты каждому, чего у него нет."

— А почему?

Я знал, что долго нам говорить не дадут. Так оно и случилось. "**Время истекло, заканчивайте разговор**". Наверное, Окуджава понял, что пришёл конец и этому последнему земному напутствию. Он не стал ждать ответа на свой вопрос. Он просто сказал:

— Спасибо Вам.

— Вам спасибо, Булат Шалвович.

— Прощайте.

— Прощайте.

* * *

Яков делал хорошие прочные гробы и никогда не ошибался в размерах. Гробы для мужчин он делал под свой рост. А когда он понял, что Марфа умрёт, то железным аршином снял с неё размер, пока она могла стоять, держась за печку. После этого она легла и больше уже не вставала. А Яков, перекрестившись, делал для неё, ещё живой, гроб, но мысли его блуждали далеко. Всю жизнь его беспокоила проблема упущенной выгоды. Сколько бы можно было заработать, если бы ничто не мешало! Вот и сейчас он вспоминал, что завтра день Иоанна Богослова, послезавтра — Николая Чудотворца, потом будет воскресенье, потом понедельник — тяжёлый день. Четыре дня нельзя будет работать, а Марфа умрёт непременно в один из этих дней. Значит, надо работать сейчас. Летели стружки. Марфа лежала молча с закрытыми глазами.

Болезнь её началась с того дня, когда Яков весь день играл на скрипке, а когда стемнело, подсчитал свои упущенные возможности за год. Он называл их убытками. Получилось больше тысячи рублей. А если их положить в банк, то одних процентов накопилось бы не меньше сорока рублей. Это его так потрясло, что он хватил счётами об пол.

— Яков! — позвала Марфа неожиданно. — Я умираю!

* * *

Вопрос о том, является ли смерть благом или величайшим злом, не так прост, как кажется на первый взгляд. Можно с разных точек зрения смотреть на это неизбежное в жизни каждого человека событие. Первая и совершенно очевидная точка зрения заключается в том, что нам просто очень грустно, когда кто-то из наших близких уходит из жизни. Эта реакция — в природе человека и не может быть осуждена или как-то поставлена под сомнение. Но если покопаться глубже в своей душе, то открываются другие пласты. Кого мы жалеем, ушедшего от нас человека или самих себя, которые осиротели после ухода *из нашей жизни* близкого человека?

Но, приступая к более абстрактному рассмотрению явления смерти, мы должны выбрать свою личную точку зрения из двух возможных, точку зрения человека, верующего в Бога или атеиста. Потому что взгляд будет разный. Для атеиста жизнь человеческого духа заканчивается со смертью человеческого тела и не имеет никакого продолжения. Поэтому, если жизнь — благо, а в этом мало кто сомневается, то смерть хорошего человека или собственная смерть для атеиста — зло абсолютное. Именно атеисты с торжеством декларируют известный тезис о недоброте или бессилии Бога. *Если Бог добрый, зачем допустил смерть, а если хотел, как лучше, а лучше не получилось, то не всесильный.* В такой постановке, действительно, выбор не богат. Но обязаны ли мы, верующие в Бога люди, рассуждать в зауженных рамках вопроса, заданного атеистом?

Совсем не обязаны. Представим себе, что мы живем полнокровной духовной жизнью непонятно где и непонятно как, в общем, на небесах, и это наше основное и постоянное место жительства. Мы там живем, совершенствуемся, учимся и так далее. Словом, живем в раю. Но в этом раю есть свои правила игры. Как студентам необходима производственная практика, так и райским жителям для закрепления теоретических знаний необходима практика в теле человека на полигоне, т.е. на Земле. И вот нас посылают сюда, чтобы мы себя проявили в испытаниях, настоящих испытаниях, где плата за ошибки — болезни и преждевременная смерть. Человек в командировке на Земле не

должен знать и не знает достоверно, будет ли жизнь после смерти или нет, и это поднимает ставки его удач и ошибок.

Если это так, то смерть — необходимая фаза развития человека, равно как и рождение, а задержаться на Земле слишком надолго, всё равно что задержаться в родильном доме. Атеист, в силу своей упёртости, ничего подобного вообразить не может, а человек верующий, повторяю, *верующий в Бога любой версии религии*, вовсе не обязан соглашаться с атеистом, что смерть есть зло и её надо устранить. Может оказаться, что командировка души в земное тело настолько же некомфортна для души, насколько для человека может быть тягостна обычная командировка, когда негде остановиться и негде вкусно поесть и хочется домой. Надо ли говорить о том, что командировки все-таки бывают необходимы по самым разным причинам. А как себя вести в командировке? В чём смысл этой земной жизни?

В качестве плодотворной гипотезы можно полагать, что **смысл жизни человека состоит в реализации им своими поступками этических принципов, заложенных примерно одинаковым образом во всех положительных религиях и продублированных в подсознании каждого человека.** Этот внутренний голос, связывающий нас с Богом, мы называем совестью. Поэтому целью жизни является не реализация сюжета жизни, который обычно нам предлагается или даже навязывается извне, а **освоение средств**, которые мы применяем для достижения разных (иногда совершенно ошибочных) целей. Поэтому человек это прежде всего "используемые средства".

* * *

Чехов пишет:

"Он оглянулся на свою жену. Лицо у неё было розовое от жара, необыкновенно ясное и радостное. Бронза, привыкший всегда видеть её лицо бледным, робким и несчастным, теперь смутился. Похоже было на то, как будто она в самом деле умирала и была рада, что наконец уходит навеки из этой избы, от гробов, от Якова... И она глядела в потолок и шевелила губами, и выражение у неё было счастливое, точно она видела смерть, свою избавительницу, и шепталась с ней.

Был уже рассвет, в окно видно было, как горела утренняя заря. Глядя на старуху, Яков почему-то вспомнил, что за всю жизнь он, кажется, ни разу не приласкал ее, не пожалел, ни разу не догадался купить ей платочек или принести со свадьбы чего-нибудь сладенького, а только кричал на нее, бранил за убытки, бросался на нее с кулаками; правда, он никогда не бил ее, но все-таки пугал, и она всякий раз цепенела от страха. Да, он не велел ей пить чай, потому что и без того расходы большие, и она пила только горячую воду. И он понял, отчего у нее теперь такое странное, радостное лицо, и ему стало жутко."

Перед смертью Марфа напомнила Якову, что пятьдесят лет назад у них был ребеночек с белокурыми волосиками — девочка. И сидели они тогда на реке под вербой и пели песни. Умерла девочка. Яков постарался вспомнить и не сумел.

И получается, что только перед смертью, на самом её пороге Марфа сумела оценить всю бессмысленность своего земного бытия в убогой избе среди гробов в одной связке с человеком, который всю жизнь подсчитывал убытки и не позволял ей из экономии пить чай. И детей у них не было, хотя, может, и к лучшему это.

И какой же был смысл в пребывании этой Марфы на зелёной планете Земля? Никакого, если быть материалистом. Но если верить в Бога, то резон есть и очень большой. Перед смертью Марфа поняла, что прожила бессмысленную жизнь. И сам факт осознания этой бессмысленности есть гигантский шаг вперёд в развитии её бессмертной монады духа. Она прожила почти семьдесят лет своей жизни в земном аду, и хуже этого ада вряд ли что можно придумать, включая геенну огненную. В следующем воплощении будут другие задачи, может более сложные, но с этой она справилась перед самым концом. Повторно *эта* задача предложена не будет.

Напротив, умный и образованный Поль Лафарг, который ушёл из жизни, нарушив нравственные запреты большинства мировых религий, так не понял, как надо жить, что следует и из его письма, и из факта самоубийства. Сколько в этом поступке неоправданной, бессмысленной гордыни! Быть ему второгодником.

* * *

Много и иногда очень хорошо написано о детстве, юности, о взрослой жизни, но мало о старости, а если и написано, то с состраданием и каким-то стыдом. Этот стыд возникает от того, что наше атеистическое мировоззрение заставляет нас избегать обсуждения темы смерти, потому что с атеистической позиции смерть — кошмарная недоработка врачей и биологов, а идеалом является жизнь бесконечная. Однако это примерно то же самое, что никогда не менять на заводе оборудование, а всё время его ремонтировать. Но дело даже не в технической абсурдности биологической постановки задачи. Это и так понятно. Дело в другом. Если смерть неизбежна, если она запрограммирована как неизбежная встреча с Отцом для отчета о командировке, то проблема старости выглядит совсем иначе.

В чем же смысл и даже очарование (!) старости? В подведении итогов жизни, в возникновении у пожилого человека той бескорыстной мудрости, перед которой хочется встать на колени. Атеист хотел бы неограниченно растянуть взрослую жизнь, всё время повторяя одну и ту же красивую мелодию из большой симфонии. Образно говоря, он хотел бы навсегда сохранить известную ему стадию куколки и не перейти в неизвестную ему стадию бабочки. Ставить такую задачу абсурдно, а решить — невозможно. Надо вовремя учиться, вовремя рожать детей, вовремя подводить итоги. В связи с этим вовсе не бессмысленно задумано гормональное увядание организма, прекращение функции деторождения, ослабление мускульных сил и сенсорных систем. Все это преследует одну и ту же цель — ослабить поток внешней информации для того, чтобы создать спокойный фон для подведения итогов. Абсолютно невозможно представить себе мудрого старца из пустыни, одновременно занимающегося политической деятельностью или вступающего в брак с молодой особой. И дело не в том, что это хорошо или плохо, и даже не в том, что *pobles oblige* (положение обязывает), а в том, что поступление новой информации и переработка старой в одной и той же голове одновременно невозможны.

Наше атеистическое прошлое предлагает нам только одну модель поведения — работать, работать и работать пока не протянешь ноги. При этом пожилой человек работает хуже, соображает не так быстро, а претензии остаются прежними. В итоге он обижается на весь белый свет, а его перестают принимать всерьез, от старческих обид

возникают неврозы, от них болезни, и пожилой человек становится завсегдаем больницы и измеряет себе давление дважды в день, а то и трижды.

* * *

Яков Иванов по прозвищу Бронза начал умирать после окончания похорон своей жены. Вдруг, внезапно он понял, что за пятьдесят два года семейной жизни он ни разу не подумал о своей жене, не обратил внимания, как будто она была кошка или собака. А ведь она всю жизнь работала на него. Яков шёл, погруженный в свои мысли, и здесь некстати возник Ротшильд.

— А я вас ищу, дяденька! — сказал он. — Кланялись вам Мойсей Ильич и велели вам зараз приходиться к нам.

Но Якову было не до игры на скрипке в жидовском оркестре. Он не ударил Ротшильда, но... Чехов пишет:

"Ротшильд помертвел от страха, присел и замахал руками над головой, как бы защищаясь от ударов, потом вскочил и побежал прочь что есть духу. На бегу он подпрыгивал, всплескивал руками, и видно было, как вздрагивала его длинная, тощая спина. Мальчишки обрадовались случаю и бросились за ним с криками: "Жид! Жид!" Собаки тоже погнались за ним с лаем. Кто-то захохотал, потом свистнул, собаки залаяли громче и дружнее... Затем, должно быть, собака укусила Ротшильда, так как послышался отчаянный, болезненный крик."

Это был его последний грех в жизни. Дальше началось то, что, согласно Л. Н. Толстому можно назвать "воскресением". Яков пошёл к реке. Чехов пишет:

"А вот широкая старая верба с громадным дуплом, а на ней вороны гнезда... И вдруг в памяти Якова, как живой, вырос младенец с белокурыми волосами и верба, про которую говорила Марфа. Да, это и есть та самая верба — зеленая, тихая, грустная... Как она постарела, бедная!"

Он сел под нее и стал вспоминать. На том берегу, где теперь заливной луг, в ту пору стоял крупный березовый лес, а вон на той лысой горе, что виднеется на горизонте, тогда синел старый-старый сосновый бор. По реке ходили барки. А теперь все ровно и гладко, и на том берегу стоит одна только березка, молоденькая и стройная, как барышня, а на реке только утки да гуси, и не похоже, чтобы здесь когда-нибудь ходили барки. Кажется, против прежнего и гусей стало меньше. Яков закрыл глаза, и в воображении его одно навстречу другому понеслись громадные стада белых гусей."

Но прошлое не отпускает его. Он подумал о том, сколько в этой реке можно было наловить рыбы, набить гусей. Сколько барок по ней можно было сплавить! Всё упущено. Какие убытки! И вот подступают самые главные мысли:

"Зачем люди делают всегда именно не то, что нужно? Зачем Яков всю свою жизнь бранился, рычал, бросался с кулаками, обижал свою жену и, спрашивается, для какой надобности давеча напугал и оскорбил жида? Зачем вообще люди мешают жить друг другу? Ведь от этого какие убытки! Какие страшные убытки! Если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга громадную пользу."

Вечером и ночью мерещились ему младенец, верба, рыба, битые гуси, и Марфа, похожая в профиль на птицу, которой хочется пить, и бледное, жалкое лицо Ротшильда, и какие-то морды надвигались со всех сторон и бормотали про убытки. Он ворочался с боку на бок и раз пять вставал с постели, чтобы поиграть на скрипке."

На следующий день, посетив бесполезного фельдшера Максима Николаича, Яков вышел из избы, сел у порога и начал играть на скрипке настолько жалобно и трогательно, что даже жид Ротшильд решился подойти к нему, и Яков не прогнал его.

Чехов пишет:

"И потом весь день Яков лежал и тосковал. Когда вечером батюшка, исповедуя, спросил его, не помнит ли он за собою какого-нибудь особенного греха, то он, напрягая слабеющую память, вспомнил опять несчастное лицо Марфы и отчаянный крик жиды, которого укусила собака, и сказал едва слышно:

— Скрипку отдайте Ротшильду.

— Хорошо, — ответил батюшка."

Ещё одна страшная и бесполезная жизнь. Ад, созданный и средой обитания, поскольку Россия всегда была для русских людей мачехой, и отягощённый за счёт собственных дурацких усилий. Есть ли толк в такой жизни? Нету толка, — отвечает атеист. Яков — пассивная жертва общественной и личной глупости.

Верующий человек думает иначе. Помощница-смерть помогла Якову разобраться в прожитой жизни, найти главные грехи. Он не понял, как надо, — это ещё впереди — но как "нельзя" ему стало ясно. Поэтому не придётся ему в следующем воплощении делать гробы для умирающих людей гробового уездного города, созданного фантазией художника спектакля Серёжи Бархина, с которым меня связывает общее послевоенное детство.

* * *

Якова Иванова в спектакле Камы Гинкаса великолепно играет Валерий Баринов. Роль исключительно трудна потому, что артист одновременно лицедействует в двух пластах театральной реальности: он и чтец рассказа Чехова, и одновременно он бегаёт, прыгает, жестикулирует, работает с деревом как настоящий гробовщик, реализуя средствами театральной пластики сюжет спектакля.

А Ротшильд, которого играет Игорь Ясулович! Сколько в образе его героя местечкового еврейства, неоднократно описанного очень талантливыми людьми, но узнаваемого по-новому. Как его пугливая чуткость украшает спектакль.

Любуешься и безответной Марфой и грубияном-фельдшером в исполнении Арины Нестеровой и Алексея Дубровского.

И ведь всего четыре человека, четыре столба, на которых держится крыша спектакля! Действительно — пир, действительно — духа. По-другому не скажешь.

А когда выйдешь на улицу, то и сразу и потом, когда пройдут дни и даже недели, возвращаясь к спектаклю, и мысли бегут, и дело уже не в Якове с Марфой, думаешь про себя: как бы не опоздать самому.

* * *

Наука бывает разной. Современная наука в основном обслуживает технологию и иногда отождествляется с ней. Такое отождествление — ошибка. Технологическая составляющая науки насквозь материалистична и не решает проблем добра и зла, а, скорее, перемещает эти проблемы с места на место. Например, успехи медицины в снижении детской смертности препятствуют самоочистке человеческого генофонда. Или, совершенствование оружия как способа защиты от разбойника ведёт в итоге к увеличению военизованности общества с далекоидущими отрицательными психологическими и социальными последствиями. Настоящая наука должна бороться с устранением причин, а не последствий. И если наука установит, что причиной генетических уродств детей является неправильное поведение родителей, то надо работать именно с родителями. Это же касается разбойников и вооружений. Но такая

наука, очевидно, смыкается с религией. Это необычно, но прекрасно, потому что открывает надежду.

Современная познавательная (не технологическая!) наука (в лице ультрасовременной квантовой механики) совершила гигантский прорыв, показав на буквах необходимость существования тонкоматериального мира, где и разыгрываются основные события. Этот мир и есть вместилище Бога. Тонкоматериальный мир не стоит на месте, он развивается и совершенствуется. Но в том прекрасном мире все события зыбкие, обратимые. Импульс развитию тонкоматериального мира придаёт мир материальный, в котором существует необратимость. Поэтому и посылают нас на Землю, в материальный мир, чтобы развивать мир тонкоматериальный, а Земля — полигон, школа подготовки "тонкоматериальных кадров". И не более, но и не менее!

Человек, переходя в старость, должен заняться инвентаризацией того, что он узнал о себе самом и мире, в котором жил. Этап анализа закончился, наступил этап синтеза. А чтобы облегчить этот переход, происходят необратимые изменения в здоровье человека, чтобы он не мог действовать с прежней энергией. И вот **немошь телесная порождает силу духовную**. Человек *вынужден* заняться подведением итогов, сначала от безысходности, а потом он обретает новую версию счастья — понимание целого.

И снова приходится сказать, что атеист и верующий отличаются и в этом случае, потому что атеисту нужна аудитория, чтобы кто-то узнал про его новое видение, иначе он скиснет, а верующий человек всегда имеет собеседника, всегда вдвоем — с Богом. А дальше — как Бог сочтет. Он может забрать к себе выполнившую свою миссию душу, а может дать второе дыхание человеческому телу и оставить его на Земле еще какое-то время в назидание окружающим. И станет этот человек мудрецом, и будут приходить к нему и просить совета, а он, улыбаясь нездешней улыбкой, поможет распутать чужие клубки, и многие люди повернутся лицом к Богу...

А теперь вопрос, почему возможно возникновение этого второго дыхания? Наверное потому, что Бог поощряет наше стремление разобраться в содеянном, покаяться в неизбежных ошибках, которые ты совершил. Может быть, в этом прижизненном покаянии не только репетиция страшного суда, которая всегда полезна. Просто замыкается цепь свершений: человек родился, учился жить, жил, подвел итоги, сделал нужные выводы и умер. Может быть, ради этой цепочки его и послали на Землю?

И получается, что смерть нужна, что она замыкает цикл духовных исканий человека, ее не надо бояться, к ней надо готовиться. Получается, что, устроив таким образом Мир, Бог преподавал нам урок. Из него следует, что мы — всего лишь Его малые дети, а Он — Отец. Так вот, мы, дети, пытаемся навязать Богу человеческие правила игры. Это Он нам завещал "не убий!", и мы не должны убивать, потому что мир без убийства прекрасен. Но прекрасный мир без убийства не будет прекрасным без смерти, потому что смерть придает каждому нашему поступку максимально высокую цену. Именно поэтому слава мужественным героям, идущим на подвиг, преодолевая страх смерти, и хвала старикам, которые, помня о близкой смерти, учат нас радоваться жизни.

И опять уместно вспомнить древнего императора, который обращается из тьмы ушедших веков к нам, теперешним, и к тем, кто придёт нам на смену, и к тем, кто придёт на смену им.

"Человек! Ты был гражданин этого великого града... Что же тут страшного, если тебя высылают из города не деспот, не судья несправедливый, но введшая тебя природа? Словно комедианта отзывает занявшийся им претор.

— Но я же сыграл не все пять частей, три только!

— Превосходно, значит в твоей жизни всего три действия. Потому что свершения определяет тот, кто прежде был причиной соединения, а теперь распада, и не в тебе причина как того, так и другого. Так уходи же кротко, ведь и тот, кто тебя отзывает, кроток."